

Игорь Моисеев открыл новую страницу русского балета. Он создал балетный театр, равного которому еще никогда не было ни в России, ни за границей. Говоря «балетный театр», я не ошибаюсь. Это не ансамбль народного танца под руководством Моисеева, а именно театр, балетный театр Моисеева.

Хореография — искусство в высшей степени синтетическое, в котором гармонически сочетаются, дополняя друг друга, элементы музыки, живописи, движения человеческого тела, внутреннего и внешнего ритма — того, что Станиславский называл «ритмом», наконец, драматургии в ее самом чистом виде, потому что танец никогда не бывает бесконфликтным: он всегда содержит в себе зерно драмы, нужно только добраться до этого зерна, что под силу лишь истинному большому художнику.

Ко всем этим элементам Игорь Моисеев присоединил еще народность. Собственно, даже не присоединил, а облек все в народность, пронизал народностью.

В сущности, Моисеев сделал чудо. Он взял давно уже существующий народный танец, сдул с него пыль столетий, вдохнул новую душу и, ни на йоту не изменив его общий, исторически сложившийся рисунок, возвратил некогда создавшему его народу.

Я думаю, что лишь наша советская действительность, лишь наша советская идеология, насквозь пронизанная народностью, могла создать такого уникального художника, как Игорь Моисеев.

На первый взгляд дело обстоит просто: некий танцевальный ансамбль сделал своей специальностью исполнение народных танцев. Так бы оно и было, если бы во главе ансамбля не стоял, я не боюсь этого сказать, великий художник, который обогатил народный танец, поднял его на высшую ступень искусства. Для этого мало быть просто — пусть даже выдающимся — хореографом. Для этого нужно быть и живописцем, и графиком, и тонким музыкантом, и танцором, и поэтом, и этнографом, и историком, и великим специалистом по народному костюму, и драматургом.

Всеми этими качествами в высшей степени наделен Игорь Моисеев.

Это человек многогранный, вечно ищущий, упорный в своем труде и гениальный в своих находках.

Я никогда не видел Моисеева спокойным, отдыхающим, ни о чем не думающим, погруженным в житейскую суету. Он весь — струна, весь напряжение, весь внимание.

Вот он сидит на парапете над морем. Это его любимый уголок — Коктебель. Он смотрит на меняющиеся краски Черного моря. И — держу пари — он ищет в них какие-то одному ему

Балетный театр Моисеева

понятные дополнительные цвета. Вот он в простой летней рубашке с распахнутым воротником наблюдает за проходящими мимо людьми: рыбаками, купальщиками, загорелыми девушками. И — даю голову на отсечение — он уже komponует из их человеческой индивидуальности свои живые, предельно острые композиции.

Он страстный путешественник. Бывая в разных странах, он без устали ездит по ним — в автомобиле, в поезде, на вер-

блюде, на чем придется, покрывая тысячи километров пространства, которые потом превращаются в музыку и танец.

Он — «связь между народами», самый доходчивый пропагандист народного искусства. Его театр сближает народы мира, действует интернационально и дружбе.

Может быть, в этом и заключена главная сила Игоря Моисеева.

Валентин КАТАЕВ,
писатель